

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СТАЛЬНОЙ
УЗЕЛ

Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть

Сергей Зверев
Стальной узел

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Стальной узел / С. И. Зверев — «Эксмо», 2022 — (Танкисты «тридцатьчетверки». Они стояли насмерть)

ISBN 978-5-04-164878-7

Этому автору по силам любой жанр: жесткий боевик и военные приключения, захватывающий детектив и криминальная драма. Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров. Его имя – неизменный знак качества каждой новой книги. После сражения на Курской дуге, чтобы помешать немцам наладить подвоз резервов к линии фронта, советское командование разработало операцию «Рельсовая война». Ежедневно сотни километров железнодорожных путей выводилось из строя. Однако фашисты упорно восстанавливали снабжение. Экипаж лейтенанта Алексея Соколова получил приказ провести разведку на станции, куда гитлеровцы согнали платформы с материалами для ремонта разрушенных путей. Танкисты успешно проводят рейд, но на обратном пути их танк выходит из строя. Едва сдерживая натиск преследующих фашистов, бойцы понимают: полученные разведанные ценнее, чем их собственные жизни... Совокупный тираж книг С. Зверева составляет более 6 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164878-7

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Зверев

Стальной узел

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Дрезина, пытая двигателем, медленно проехала мимо, оставляя над железнодорожным полотном шлейф запаха бензина и моторного масла. Сырость ночного сентябрьского леса, казалось, впитывала эти запахи железной дороги, раздражая, заставляя ненавидеть врага еще сильнее. Тяжелое низкое пасмурное небо давило, хотя во тьме ночи его было не видно. Оно ощущалось. Еще давила тишина. Зловещая, почти могильная тишина, когда не слышно ни шелеста листвы, ни птичьих голосов, ни лая собак. Только тишина и хриплое дыхание лежащего рядом товарища.

Сколько уже было позади таких операций, когда приходилось вот так лежать и ждать сигнала. Целиком обращать в слух, чтобы не пропустить свист дозорного. И тогда надо вскочить и бежать к железнодорожному полотну. И забывать обо всем, потому что время пойдет не на минуты, а на секунды. Саперной лопаткой вырыть в щебне под рельсом ямку, обдирая руки и ломая ногти. Потому что лопатка скользит по камню, и зачастую быстрее выгребать щебень именно руками. А потом заложить взрывчатку, вставить детонаторы и бежать назад. И можно не успеть, можно нарваться на немецкий патруль, и тогда заканчивать работу и бежать назад придется под пулями. Товарищи будут прикрывать, но все равно будут потери. Сколько уже соратников осталось лежать на полотне! Нельзя помогать раненым, нельзя трогать убитых. Нужно бежать и успеть взорвать полотно. Таков приказ Родины. Раненых уносить тогда, когда заложен заряд и вставлен детонатор.

Иван Васьков воевал в партизанском отряде уже два года. Обычный сельский милиционер, он до последнего помогал эвакуировать предприятия, партийные и государственные архивы. А сейчас прикрывал вместе с остатками какой-то роты последнюю колонну, удерживая хлипкий деревянный мосток. Пальцы совсем онемели. Иван разжал руку, поняв, что слишком сильно стиснул упаковку со взрывчаткой. Он пошевелил пальцами, разминая кисть, и тут раздался протяжный свист дозорного. Вперед!

Мишутка Панин сидел на толстой ветке тополя, росшего в десятке метров от полотна. Отсюда железную дорогу было видно в обе стороны почти на километр. Хотя ночью можно было и не разглядеть дрезину, если она поедет с выключенными фарами. Или пеший патруль, если он пойдет без фонариков. Но у четырнадцатилетнего мальчишки был зоркий глаз и острый слух. И партизаны доверяли ему, как самим себе. Замерев и вжавшись в ствол дерева, Мишутка дождался, пока проедет мотодрезина с автоматчиками. Ему было страшно. А вдруг заметят – и тогда очередями снимут его, как глухаря. Он испытывал страх, но и злорадство. Ведь не видят, и много раз не видели и не догадывались гитлеровцы, что дозорный под самым носом, вон на дереве притаился.

Потом ответный свист, и мальчик буквально слетел с дерева, упав в жесткую сухую траву. Топая ботинками по камням, он перебежал через полотно и очутился в руках Ивана.

– Молодец, Мишка! – с шумом выдохнул бывший милиционер. – Дуй к лесу, мы взрываем.

И снова, как и в прошлый раз, небо осветилось яркой вспышкой и по ушам больно ударило взрывной волной. Земля вздрогнула под ногами, как от боли. Мишутка схватился за голову, но продолжал бежать. Он не слышал топота ног других партизан, его немного оглушило близким взрывом, но он знал, что сегодня операция прошла удачно, что все бегут назад за ним следом. Получите, проклятые фашисты, развороченное в трех местах железнодорожное полотно! Не успевает враг чинить железную дорогу, не успевает перебрасывать военные грузы и войска. По всей прифронтовой полосе сейчас гремят взрывы: это партизаны по единому плану командования одновременно рвут рельсы и мосты, пускают под откос составы, партизаны многих отрядов и соединений. «Рельсовая война» идет в тылу у гитлеровских войск!

Голос Верховного главнокомандующего был спокойным, даже вкрадчивым. Но от этого голоса рука генерала Пономаренко сделалась влажной. И ему пришлось сильнее сжимать телефонную трубку, чтобы та, не дай бог, не выскочила из ладони. Пропустить что-то из слов Сталина было бы катастрофой.

– Как вы лично считаете, товарищ Пономаренко, результаты «Рельсовой войны» удовлетворительны? Это те результаты, которых мы ожидали, когда в марте решили восстановить Центральный штаб партизанского движения?

– Так точно, товарищ Сталин, – стараясь говорить бодро и уверенно, заявил Пономаренко. – Как мы и планировали, партизанские бригады одновременно начали взрывать железнодорожное полотно и составы почти на всем протяжении прифронтовой полосы и тактических тылов фашистских войск. По нашим сведениям, немецкое командование бросило дополнительные силы армии на охрану железной дороги, мостов, станций. Подразделения выделены из резервных частей, а также частей, которые подлежали отправке на передовую. Одновременные действия партизанских отрядов вынудили гитлеровцев попытаться наладить подвоз рельсов из Польши, Чехословакии. Они, товарищ Сталин, даже разбирают пути, чтобы из двухпутных участков сделать однопутные и таким образом не уменьшать пропускную способность железной дороги.

– И все же вы просили Ставку провести вторую фазу этой операции? Значит, успех не был достигнут в нужном объеме?

– Так точно, товарищ Сталин! – Пономаренко переглянулся с полковником Корнеевым и полез в карман кителя за носовым платком. – Второй фазы требует обстановка на фронте. Командиры частей и соединений ощутили пользу от нашей операции. Но были и недочеты, товарищ Сталин. Нам не всегда удавалось в полной мере обеспечивать партизанские отряды взрывчаткой и опытными инструкторами-взрывниками.

– Вам удалось, товарищ Пономаренко, парализовать железнодорожные перевозки в тылу у фашистов?

– В значительной мере, товарищ Сталин, в значительной мере! Мы постоянно поддерживаем связь с командованием армий и фронтов. К нам поступает информация о срывах переброски резервов врага на некоторые участки фронтов.

– Большие потери, товарищ Пономаренко? – вопрос прозвучал уже со строгой интонацией.

– Большие, товарищ Сталин, – честно признался Пантелеймон Кондратьевич. – Немцы усиливают охрану железной дороги, проводят карательные операции.

– Ответьте мне еще на один вопрос. Вы просчитывали ущерб и последствия для нас от операций «Рельсовая война» и «Концерт» для Красной Армии, для Советского Союза? Нам ведь эти дороги восстанавливать нужно. Нашей армии придется наступать, и в полосе ее наступления окажутся разрушенные железнодорожные пути и мосты. Как говорят в народе, «овчинка стоит выделки»?

– Война, товарищ Сталин, – чувствуя угрозу в словах главнокомандующего, обреченно заявил Пономаренко. – Жертвы неизбежны. Весь народ, не щадя жизни, сражается с врагом. С нечеловеческим напряжением всех сил.

В трубке послышались короткие гудки. Пантелеймон Кондратьевич осторожно, будто боясь повредить телефон, опустил трубку на аппарат. Хотелось облегченно шумно выдохнуть, но он этого не сделал. Этот разговор мог закончиться чем угодно, в том числе и обвинением лично его, Пономаренко, в плохой организации операции, которую, кстати, предложила именно Ставка. А может, и в измене Родине. Впрочем, еще неизвестно, что будет в дальнейшем. Но Сталин сейчас задал вопросы, которые не раз обсуждались в Штабе партизанского движения и в разговоре с командующими фронтами и армиями. Ведь всем предстояло наступать

пать, предстояло перебрасывать огромные силы на большие расстояния, проводить перегруппировку войск, маневрировать резервами. Как опытный руководитель, Пономаренко понимал, что взорванные пути, недостаток рельсов скажутся и на послевоенном восстановлении хозяйства. Все, что нещадно разрушено войной, предстояло восстанавливать. Но до этого еще нужно было дожить. Дожить, победить врага, изгнать остатки его полчищ со своей земли. Когда это будет... Как это будет...

Полковник Корнеев, отвечающий в Штабе партизанского движения за разведку, понимающе покивал. Бремя ответственности на войне нести тяжело. Тяжело от понимания, что твои приказы, твои решения приводят к гибели десятков, сотен и тысяч людей. Чем выше твоя должность, тем больше твоя личная ответственность за жизни огромного количества солдат и командиров. Ты посылаешь их в бой, посылаешь на смерть, и сколько погибнет советских людей, зависит от тебя. Тяжело сознавать, что погибшие будут обязательно потому, что это война. Но еще тяжелее понимать, что одна твоя ошибка может привести к гибели еще сотни и тысячи людей, которые могли бы жить и сражаться дальше. И у них есть семьи: жены, дети. Или нет семей, и теперь уже никогда не будет, не родятся дети. Через это понимание тоже нужно пройти, перешагнуть, заглушить его в себе, иначе не сможешь командовать. Главное, помнить всегда, что это люди.

– Верховный недоволен? – спросил Корнеев.

– Мне кажется, что он сам не принял для себя окончательного решения и ищет ответы в наших головах, – недовольно ответил Пономаренко. – Вот только как быть тем, кто окажется не союзником, а противником его мыслей. Не я один принимал решения, не мне одному их принимать и дальше. Ладно, сейчас не об этом думать нужно. Что у вас, Тарас Федотович? С чем вы пришли?

– Нужно активизировать разведку, Пантелеймон Кондратьевич. Силы партизан ограничены, и возможности тоже. Мы с вами прекрасно понимаем всю сложность партизанского движения и его возможности. Массовость – это огромный плюс, но вот умения и навыки не всегда отвечают тем потребностям, которые мы имеем. В руководстве НКВД, к счастью, это тоже понимают. И довольно активно идет заброска в тылы фашистов подготовленных групп, которые призваны возглавлять, координировать действия стихийных партизанских отрядов. Обучать и привлекать их к своим операциям. Но для нас важны даже не столько активные боевые действия партизан, сколько их умение вести разведку. Квалифицированно и толково оценивать факты, умение их добывать.

– Что вы хотите этим сказать?

– Важно выявить перемещение специализированных подразделений вермахта, которые используются для восстановления железнодорожных путей и мостов. Важно зафиксировать и оценить объемы переброски рельсов и шпал к местам ремонта железной дороги. Немцы не могут одновременно всюду восстанавливать поврежденные участки полотна. Им важнее в нужном месте иметь готовые пути для переброски резервов. А это значит, что подвозка и хранение большого количества рельсов и шпал в определенном месте говорит о подготовке к передислокации или контрнаступлению вражеских войск на том или ином участке фронта. Нам нужно выходить на командование соединениями Красной Армии и просить помощи. Взрывать могут и партизаны, а вот добывать информацию, тем более в условиях, когда уничтожаются целые населенные пункты в местах важных транспортных узлов или в полосе предстоящего наступления, могут только подготовленные люди. Нужен приказ Ставки, который бы обязывал командование оказывать нам эту помощь.

Лейтенант Соколов открыл люк и уселся в нем, подставляя лицо свежему, душистому сентябрьскому воздуху. Хотелось расправить плечи, потянуться от долгого сидения в тесной танковой башне, рассчитанной на двух человек: наводчика и заряжающего. Но как быть коман-

диру взвода, командиру роты, которые непосредственно идут в бой вместе со своими подразделениями? А командовать ротой и одновременно искать цели, стрелять из орудия немислимо сложно. Или ты будешь подбивать немецкие танки, или командовать подразделением. Совмещать эти вещи невозможно. А танк на поле боя, который не стреляет, будет подбит через пять минут. В лучшем случае. Командиры полков и дивизий, которые имеют тоже свои командирские машины, могут позволить не иметь наводчика, могут позволить себе использовать командирскую машину именно как передвижной бронированный командный пункт, но для взводного и ротного – это непозволительная роскошь. Смертельная роскошь. Вот и приходится при первой же возможности при поступлении новой техники выбирать машины с башнями нижнетагильского производства, которые были чуть больше и на которых устанавливались отечественные экспериментальные или немецкие трофейные командирские башенки с перископом, позволяющим вести круговой обзор. И втискиваться за спину наводчика, чтобы твоя машина могла защищаться в бою, а ты этим боем руководить. И все танкисты понимали, что промышленность не имеет пока возможности разрабатывать и производить еще и командирские танки, рассчитанные на трех человек в башне. Понимали и сами искали выход из такого положения.

Соколов обернулся на пленного немецкого офицера, лежавшего со связанными руками за башней, и молодого автоматчика из десантного батальона. Комбат приказал лейтенанту, сносно владеющему немецким языком, доставить пленного в штаб дивизии лично. Мало ли что, вдруг не окажется на месте переводчика. А сведения у этого немца были самые свежие. Он командовал подразделением, шедшим в атаку, он имел самый свежий приказ о проведении операции фашистами и знал расположение вражеских сил в полосе наступления дивизии.

Бой был тяжелым. Немецкая танковая группа, усиленная тяжелыми танками, пыталась прорваться к железнодорожному узлу и перерезать несколько рокадных магистралей, включая и шоссе. Успех этого прорыва помешал бы полноценной подготовке к наступлению Красной Армии на этом участке фронта. Было бы парализовано движение, а значит, сорвались бы сроки поставки вооружения, боеприпасов, резервов армии.

Алексей потерял в этом бою два танка из своей и без того обескровленной роты. Один экипаж сгорел вместе со своей машиной, продолжая стрелять до последнего. Уставший и раздраженный Соколов смотрел на пленного, и сейчас больше всего лейтенанту хотелось столкнуть этого рыжего долговязого немца с брони на землю и разрядить в него всю обойму пистолета. И еще видеть, как тот будет молить о пощаде и валяться в ногах. Не хотят фашисты умирать. Не любят в плен попадать. Сразу вспоминают, что успели натворить на советской земле, сразу понимают, что грехи смертные и что прощения они не получают.

Оставив пленного под охраной в караульном помещении комендантского взвода, Соколов взбежал на второй этаж. Адьютант, узнав Соколова, проводил его в кабинет полковника Островерхова.

– Товарищ полковник, – Алексей вскинул руку к шлемофону, – разрешите обратиться к майору Кузнецову.

– А, Соколов, – узнал лейтенанта командир дивизии. – Обращайтесь.

Алексей подошел к командиру полка. Майор лишь кивнул устало. Кузнецов, как и все командиры его полка, не спал двое суток. И сейчас, когда бойцы отсыпались по землянкам и редким деревенским хатам, он сидел на совещании в штабе дивизии, докладывая о ночных боях и положении полка.

– Что у тебя, Соколов?

– Комбат велел лично доставить пленного немецкого офицера. И если понадобится помощь переводчика, то принять участие в допросе.

– Кстати, очень кстати, – вмешался в разговор полковник Островерхов. – И пленный офицер, и знание языка Соколовым. Оставьте своего боевого лейтенанта. Через полчаса допросим пленного. Его что, во время последнего боя захватили?

– Так точно, – кивнул Соколов. – В чине майора. Командир моторизованного батальона, который атаковал нас ночью во фланг и едва не прорвался к железнодорожному узлу.

– Вот вам лишнее подтверждение! – энергично рубанул воздух рукой Островерхов. – Соколов, останься, ты нам сегодня пригодисься.

Алексей снял с головы шлемофон и уселся на свободный стул у стены. Как только его спина коснулась стены, глаза сразу стали слипаться. Вот еще не хватало заснуть во время совещания в штабе дивизии. Надо было срочно что-то предпринимать, а то опозоришься на все соединение. И Соколов, вцепившись пальцами в руку, стал больно щипать себя ногтями. До боли, так, чтобы терпеть из последних сил. Так сосредоточившись на боли, он сумел немного отогнать сон, а заодно и услышать, что обсуждало командование.

– Что мы имеем на сегодняшний день, товарищи. – Островерхов подошел к карте на стене. – Партизанские отряды по всей полосе оперативных немецких тылов рвут железнодорожные пути и мосты, подрывают военные эшелоны. Немцы едва успевают чинить полотно. Они стянули сюда большое количество специализированных подразделений, сгоняют даже местное население. Подведено из тыла и снято с передовых в общей сложности примерно около трех полков и два батальона фельдполицей. За последнюю неделю трижды маршевые части противника вместо того, чтобы отправляться на позиции, бросались на прочесывание местности. Все это негативно сказывается на попытках немцев форсировать работы по укреплению своей обороны. Но имеется и иная тенденция. По сведениям партизан, которые они передали нам, на станцию Рошино-Узловая свезены сотни тонн рельсов и несколько составов шпал для восстановления путей. Такое количество, если оно подтвердится, может говорить лишь об одном – о срочном восстановлении большого участка взорванных путей и срочной переброске резервов в район нашего предстоящего наступления или немецкого контрнаступления. Оперативный отдел штаба армии полагает, что гитлеровцы могут перебросить на наш участок несколько танковых частей с Харьковского направления. Не нужно объяснять, что такое количество бронетехники сведет на нет все наши усилия по подготовке наступления, а может быть, и остановит его. По крайней мере, мы понесем такие потери, что боеспособность дивизии упадет ниже некуда. Приказ командования вполне четкий, и отменять его никто не намерен. Дивизия должна выполнить задачу любой ценой.

– Значит, нужно срочное подтверждение сведений о грузах на станции Рошино-Узловая, – развел руками Кузнецов. – И, видимо, выслать лучше нашу разведгруппу. Времени не остается на то, чтобы отправить задание одному из партизанских отрядов, а затем переправить сведения через линию фронта к нам.

– Более того, – поддержал майора командир дивизии. – Нужно еще точно оценить силы противника, охраняющие станцию и подходы к ней, объемы и расположение грузов. Рошино-Узловая – это два километра шестипутного сортировочного узла и восемь отстойников. Нам нужно будет в соответствии с полученными данными нанести авиационный или артиллерийский удар по эшелонам с рельсами и шпалами. Если сведения окажутся неточными, удар будет нанесен впустую и гитлеровцы все же используют эти ресурсы для восстановления путей. Вот поэтому я и попросил задержаться лейтенанта Соколова. Он у нас признанный специалист по рейдам и действиям в тылу врага. Как, товарищ лейтенант, справитесь?

– Так точно, товарищ полковник! – Соколов тут же поднялся, как и положено по уставу, когда к тебе обращается старший по званию. – Только у меня рота не в полном составе. Были большие потери за последние недели. Пополнение еще не прибыло. В роте боеспособных машин, на которые можно рассчитывать в данной операции...

– Нет, лейтенант, – покачал головой Островерхов. – Роту мы тебе не дадим. С ротой танков ты передовую не проскочишь. Тут надо «на кошачьих лапах», одной «тридцатьчетверкой». Где лесочком, где балочкой, а где и с боем прорваться. Оценить систему огневых точек на

подступах к станции, разглядеть составы и их расположение, на карту нанести. Кроме станции, нас интересуют еще и автодороги рокадного направления.

– Понял, товарищ полковник. – Соколов, сосредоточившись, помолчал, потом добавил: – Мне придется наводчика оставить здесь. Когда такой рейд намечается, то не столько воевать предстоит, сколько оперативно маневрировать и головой крутить на все триста шестьдесят градусов.

– Вы что же, не доверяете экипажу вашей командирской машины? – удивился Островерхов. – Я полагал, что командиры подразделений подбирают себе лучшие экипажи.

– Доверяю, товарищ полковник, – поспешно ответил Алексей. – Если бы не доверял, то в бой бы с ними не пошел. А с этим экипажем я третий год воюю, горели вместе. Просто во время боя, когда приходится командовать ротой, еще кое-как можно потесниться втроем в двухместной башне. Но рейдовать одним танком, тут...

– Я считаю, товарищ полковник, что экипаж справится и без ротного командира, – неожиданно вставил майор Кузнецов. – Я хорошо знаю этот экипаж. Командир танка старшина Логунов – отличный танкист, опытный командир, у которого за плечами финская война. Экипаж слаженный, работает в бою умело, у них полная взаимозаменяемость. Не стоит создавать лишние сложности. А Соколов нам понадобится здесь, для допросов пленного. Я не думаю, что мы обойдемся быстрым разговором на полчаса. Ваш переводчик вернется, как мне кажется, дня через два. Вот Соколов его пока и заменит.

– Ну, приняли решение, – согласился Островерхов.

Алексей вышел на улицу и пошел к «Зверобою», стоявшему у покосившегося забора старого и почти сгоревшего во время боев сквера с танцплощадкой. До войны здесь, в этом городке, наверняка по субботам играл духовой оркестр, и люди приходили танцевать, есть мороженое, просто гулять с детьми по дорожкам сквера. Тихо, мирно. И вот таким же сентябрьским днем они смотрели на желтеющие листья, на пронзительно голубое небо и совсем не думали о войне. Нет, думать, конечно, думали, поскольку приходили тревожные вести из-за рубежа. Тревожно было на душе, но все надеялись, что Советский Союз все же не будет втянут в жестокую и бессмысленную войну.

Как же давно все это было. Танцы, мирное небо, тихие вечера, прогулки с девушками. Алексей остановился и потер руками лицо. Спать хотелось невероятно. Надо умыться холодной водой. И чаю бы сейчас горячего, крепкого и сладкого. Соколов поспешил к танку, издав издав увидев ноги Бабенко и его спину. Механик-водитель копался в трансмиссии, повернув танковую башню в сторону и открыв лючок. Коля Бочкин стоял рядом с ключами и что-то рассказывал Семену Михайловичу, подавая то один ключ, то другой, то пассатижи. Изнутри слышалась музыка. Это Руслан Омаев опять слушает эфир, пытается узнать какие-то новости, которые передают по радио в сводках Совинформбюро.

– О, командир! – раздался сбоку голос. Лейтенант увидел старшину Логунова с охапкой хвороста. – Хлопцы, командир вернулся!

Экипаж, как по команде, повернул головы, а из люка показалась физиономия Омаева. Когда Алексей подошел к боевой машине, все танкисты столпились возле него, видя встревоженное лицо командира. Логунов бросил хворост и велел Омаеву разжечь костерок, вскипятить воды. Бабенко бросился было сам заниматься приготовлением чая, но лейтенант остановил его.

– Семен Михайлович, как машина, каково состояние? – спросил он механика-водителя, зная, что Бабенко при каждом удобном случае будет проверять, осматривать материальную часть. Очень он не любил, когда техника подводит в самый неподходящий момент. И очень не любил Бабенко подводить своего командира.

– В норме, Алексей Иванович, – тихо ответил сержант. – Есть небольшие проблемы, но они пока не особенно страшны. Два амортизатора подтекают, но еще побегают. Тяги фрикционов я подтянул, одну заменил. Масло подлил. Расход в норме, запас пока есть.

– Хорошо. – Соколов расстегнул комбинезон, гимнастерку и засучил рукава. – Коля! Полей мне воды холодной! Умыться надо, а то на ходу засыпаю.

Бочкин налил из канистры в котелок немного воды и подошел к командиру. Алексей с наслаждением плескал на лицо ледяную воду, растирал шею, чувствуя, как по телу побежали мурашки. Рядом запахло дымком. Разгорался костерок, на который Омаев поставил котелок с водой. Наконец, закончив вытираться полотенцем, Соколов застегнул гимнастерку и комбинезон, поправил портупею. Сонливость исчезла, и снова голова заработала легко и ясно. Алексей посмотрел на своих танкистов, и сердце его сжалось. «А ведь они не знают, что отправятся на опасное задание без меня. Одни. Сколько мы уже не расставались. Сколько сотен и тысяч километров намотали на гусеницы «Зверобоя» и всегда были вместе. Мы ведь как одна семья с ребятами, – подумал Алексей. – Семен Михайлович, хоть и не намного нас старше, а все, как отец, заботится. Логунов как старший брат. Всегда подставит плечо, всегда примет часть забот на себя. А Коля и Руслан. Младшие братишки. Веселые и шаловливые, но что делать – молодость. Да мне ведь и самому не намного больше, чем Омаеву и Бочкину, но я прошел этот путь с 22 июня 41-го года. Я командир, которому Родина вручила оружие и власть над подчиненными. А получилось так, что мы стали почти семьей. Вот как война сближает людей, роднит. Смерть, которая ходит рядом, сближает. А теперь вон придется разлучиться, хоть и ненадолго».

– Что, командир, задание? – деловито спросил Логунов, пытаясь беспечно улыбаться, но интуиция опытного солдата, прошедшего до этой войны еще и финскую, подсказывала, что дело серьезное.

– Задание, ребята, – кивнул Соколов. – И задание это только вам, только экипажу. Я остаюсь в штабе дивизии.

– Как же так? – удивился Коля Бочкин, выронив полупустой котелок, и сразу замолчал под суровым взглядом Логунова.

– Ну что вы, Алексей Иванович! – Бабенко с каким-то виноватым видом развел руками. – Ну, раз надо, значит, надо. Вы только не волнуйтесь за нас и не переживайте. Разве мы вас когда-нибудь подводили? Все сделаем как следует, все выполним.

Теперь Логунову пришлось строго посмотреть и на механика-водителя. Бывший инженер-испытатель Харьковского завода, раньше всех познакомившийся с «тридцатьчетверкой», когда она еще существовала только в чертежах, даже за два года войны так и не сумел стать военным человеком, обрести военной выправки и разговаривать с командиром строго в соответствии с Уставом Красной Армии. И уж тем более в такую минуту не следовало расслабляться.

– Какая у нас задача, товарищ лейтенант? – спросил старшина.

– Через час вам поставят задачу в штабе дивизии. Ну, а пока я вам сам расскажу, чего от вас ждут. Ваша задача – проведение в составе одной машины разведки в районе железнодорожной станции Рошино-Узловая. Установить, какими силами охраняется станция, определить местоположение и примерное количество заготовленных для проведения ремонтно-восстановительных работ железнодорожных рельсов и шпал. Нанести на карту места складирования или нахождения железнодорожных платформ с рельсами. А также положение огневых точек и сектора обстрела. Вы должны доставить данные, которые могли бы использовать для уничтожения груза рельсов диверсионной группой или партизанами. Не факт, что по станции будет нанесен авиационный или артиллерийский удар. Сами понимаете, товарищи, что рельсы нужны и нам. Железная дорога – это кровеносная артерия как в военное время, так и в мирное, когда придется восстанавливать города, заводы, хозяйства.

– Понятно. – Логунов сдвинул шлемофон на затылок и в задумчивости почесал лоб. – Задача веселенькая, конечно. С одной стороны, танком прорваться легче и взять нас за броней не так просто. А с другой стороны, в кустах не спрячешься, в канаве не отлежишься. Хотя, в танке мне привычнее. Без него меня отправь на такое вот задание, и я буду чувствовать себя как голым. А голым воевать как-то неудобно. Ладно, нам лишь бы помогли «передок» проскочить, а там уж... Не впервой!

– Товарищ лейтенант, а почему вас с нами не пускают? – спросил уныло Бочкин.

– А потому, Коля, – Соколов с улыбкой положил руку на плечо заряжающему, – что я здесь нужен. И вам не так тесно будет в башне. Я вон Василию Ивановичу сапогами на спине уже мозоль натер.

– Веревка нам нужна, – добавил Бабенко. – Метров десять или двадцать. Как передовую проскочим, придется маскировку наводить. Ветками, молодыми деревцами броню закрывать. И лучше их хорошенько привязывать, чтобы не соскочили во время движения. Хорошо, что мы месяц назад, когда готовились десант на броню везти, наварили дополнительные скобы на башню и на борта.

– Боекомплект пополнить надо, – напомнил Бочкин.

– Прибор ночного видения нам нужен¹, – сказал Бабенко.

– Будет, – пообещал Соколов. – Сегодня установят.

– Хорошо, тогда бы погоду нам пасмурную кто организовал. Милое дело ночью передвигаться!

Пока экипаж занимался подготовкой к выполнению поставленной задачи, Соколов присел в сторонке на пеньке с Логуновым и развернул карту. Экипаж перед заданием получит крупномасштабные карты всех районов, в которых им предстоит действовать. У карты, которая имела у Алексея, масштаб был мелковат, но для обзора местности все же годился.

– Смотри, Василий Иванович, вот эта чертова станция. – Лейтенант обвел карандашом значок на карте. – Подойти к ней скрытно можно. Все зависит от того, в каком месте вас решено будет переправить через линию фронта. Сейчас почти все пути, что ведут к станции, взорваны партизанами. Восстановительные работы, по сведениям нашей разведки, ведутся лишь на двух участках. Вот здесь, но они от вас далеко. Это развилка. И вот здесь, непосредственно к югу от станции. В обоих местах, если там окажетесь, придется передвигаться только ночью. Можно подойти к станции севернее, вдоль полотна железной дороги. Тут широкая полоса отчуждения и неглубокий откос. Но только от поворота до поворота. А вот здесь есть просека, которая не отмечена на карте. Помнишь, месяц назад мы ее проходили, когда с батальоном нас бросили в составе резерва на северный фланг обороны?

– Просеки не помню, – покачал старшина головой. – Мы же лесом тогда не шли?

– Не шли, я тогда с другими ротными у танка Никитина совещался. Тебя рядом не было. А комбат сказал, что просека есть. Ее в начале лета 41-го проложили, когда деланки оставляли для вырубки. Не попала она на карты. А ширина там четыре метра. Под трелевочную технику оставляли. Большие деревья там еще не выросли, а молодой подрост можно и под гусеницы пустить. Ты, главное, не горячись. Твоя пушка и броня нужны только в крайнем случае: чтобы выбраться оттуда или когда вас прижмут и напролом придется идти. А в других случаях «Зверобой» вам только как средство передвижения нужен.

¹ Уже в 1941 году Всесоюзный электротехнический институт разработал первый прибор ночного видения. Появились модели для оснащения автомобилей и бронетехники и портативная версия прибора для разведчиков. Прибор позволял ехать в полной темноте со скоростью до 25 км/ч, так как видимость была ограничена 30 метрами.

Лиза Зотова торопливо шла, почти бежала по коридору консерватории. Она распахнула ватник, стащила с головы шерстяной платок и, не замечая, что он волочится за ней по полу, то и дело останавливала встречных.

– Вы Варвару Дмитриевну не видели? Афанасьева к вам не заходила?

Девушка буквально ворвалась в гримерку, где актриса уже надевала плащ. Увидев девушку, Афанасьева удивленно замерла на месте.

– Лиза? Как вы здесь очутились? Ведь ваш коллектив должен только завтра вернуться...

– Варвара Дмитриевна! – Девушка перебила своего педагога и схватила ее за руки. – Варвара Дмитриевна, я должна ехать с вами!

– Лизонька, но как вы попали в город, ведь ваш...

– Варвара Дмитриевна, я просто узнала, что вы едете с концертной бригадой на фронт, я на попутках добиралась полтора дня, не спала и не ела. Но я просто хотела успеть. Поймите, там Николай, там Коля, танкист!

– Так, Лиза, давайте-ка успокойтесь. – Женщина устало улыбнулась и провела рукой по волосам своей студентки. – Девочка моя, вам надо учиться. У вас талант, и вам надо беречь горло, легкие. Вы знаете, что такое ездить с концертами по фронтам? Это холод, сырость, бомбежки. Это грязь и кровь. А вы должны нести свет своего таланта людям, и для этого нужно отбросить все и учиться, только учиться!

– Варвара Дмитриевна, вот я и хочу нести этот свет сейчас. И туда, где его нет, где тьма и смерть. Там ведь солдаты, наши защитники. Они ведь каждый день, каждую минуту жизнью рискуют. Я буду учиться, но сейчас я должна попасть туда. Я чувствую, это нужно. И мне, и ему.

– Вы любите его? – понимающе кивнула Афанасьева.

– Люблю! – пылко ответила девушка и покраснела. Она опустила глаза и добавила совсем тихо: – И он меня очень любит. И я знаю, что эта любовь его там согревает и бережет. Прошу вас, возьмите меня в этот раз. Я смогу его увидеть, поддержать, а потом вернусь и снова буду учиться. Война ведь не вечная, вечно только солнце, которое встает по утрам, правда?

А вечером Лиза сидела в холодной комнате студенческого общежития консерватории и перебирала письма Коли Бочкина: серые потрепанные треугольнички, свернутые из бумаги. Девушка плакала, перечитывая снова и снова написанные неровным торопливым почерком письма от своего танкиста. И вспоминала их встречу, когда она, раненная в ногу, не смогла эвакуироваться со своими и попала в госпиталь. Вспоминала знакомство с Колей, как день за днем развивались их отношения, как возникла и крепла их любовь. А потом переписка, переписка. Полные нежности письма от Коли, и полные тревоги письма Лизы. «Если бы я могла, – думала девушка, – если бы в моих силах было взмыть в небо и полететь туда, где взрывы, и в самую трудную минуту накрыть его своими руками, будто крыльями, уберечь, спасти. Мой Коля, как ты там? Я приеду к тебе, пусть ненадолго, пусть всего на минутку, но лишь бы увидеть тебя, лишь бы придать тебе сил, мой солдат, помочь тебе, поддержать своим теплом, своей любовью».

Глава 2

Старик Финагенов не подвел. Эта низинка, хоть и выглядела как остальные, но почва тут была каменистая. И там под слоем грязи пряталась не пропитанная влагой жижа, а плотный каменистый слой. Финагенов рассказывал, что в самую дождливую осень он там проезжал на тракторе и ни разу не завяз. «Зверобой» прошел. На малых оборотах, «внатяг», пока слева артиллеристы накрывали переднюю линию обороны немцев шквальным огнем, добавляя в залпы фугасными снарядами еще и снаряды дымовые. Пасмурный вечер скрылся в дыме и грохоте.

В перископ командирской башенки, приютившейся слева от люка, было мало что видно, и Логунов открыл люк, высунул голову и подавал команды Бабенко, крутя головой и всматриваясь в темноту. Теперь оставалось самое трудное. Впереди вторая линия обороны, и ее прорывать придется с «шумом». Расчет был на то, что в сумерках «Зверобой» проскочит и потеряется в темноте. Немцы не смогут преследовать неизвестный танк ночью. И тогда появится возможность затеряться в складках местности, в лесах, оторваться от возможного преследования, выйти в тактические тылы фашистов, а там уже двинуться в нужном направлении.

Включив фонарик, Логунов снова посмотрел на карту. Сейчас балка закончится. А вон и деревья чернеют на краю, на фоне затихающего заката. Какие слова-то в голову приходят, усмехнулся танкист. Стихи, что ли, писать начать? А ведь и правда закат затихает. Так полыхал сегодня, как огнем горел, а сейчас в ночь спускается. Эх, какая она будет, эта ночь?

– Семен, приготовься, – передал старшина по ТПУ². – Примерно через две сотни подъем. Жди команды. Экипажу усилить наблюдение по секторам во время подъема.

Как только танк выберется из балки, а сделать это нужно быстро, с первой попытки, без буксовки, перед ним откроется открытое пространство. Самый опасный участок, когда будет виден «Зверобой». После подъема нужно пройти около сотни метров вперед, а там его уже скроет опушка леса. Небольшой мысок. И еще через сотню метров лесная дорога даст возможность скрыться. Но вот тут и возникала опасность. У немцев в этой местности вполне может оказаться опорный пункт. Слева от леса небольшая возвышенность. Просто повышение рельефа на десять метров. Дураком надо быть, чтобы не организовать там огневую точку. Наверняка там есть пулеметно-пушечная огневая точка. Может, бетонный капонир немцы успели залить, может, просто построили дзот.

Логунов хотел приказать Бочкину зарядить пушку осколочно-фугасным снарядом, но в последний момент передумал. Дурак я! Они нас будут видеть минуту, может, чуть больше или меньше. Не успеют сообразить, что это появилось, что едет. А пока сообразят, мы уже скроемся. И если по нам выстрелят орудия, то нельзя отвечать. Пусть думают, что в своих пулюнули, пусть думают, что померещилось. А если ответить огнем, то сразу станет понятно, что едет советский танк. Нет, не дам я им такой подсказки! Стрелять будем только тогда, когда вражеский танк появится, когда возникнет угроза, что нас могут подбить.

– Семен, внимание! Видишь справа дерево? От него начинается подъем. Колеи нет, трава под гусеницами.

– Вижу, Вася! – отозвался Бабенко, с натугой передвигая рычаг переключения передачи. – Ну-ка, вытягивай, дружок! Пошел, пошел, пошел!

Ровный гул двигателя стал громче, появилась вибрация корпуса. Дважды почувствовалось, как гусеница проскользнула по камням, танк чуть повело в сторону, но опытный води-

² ТПУ (танковое переговорное устройство) – система внутренней связи экипажа танка. Обеспечивает передачу речевых сообщений между членами экипажа и коммутации любого из них на внешнюю связь, а также на связь с командиром возможного пехотного десанта на танке.

тель выправил машину, не меняя тяги, и танк по-прежнему продолжал ползти вверх по склону. Логунов прикинул угол, под которым поднималась машина. Уровень наклона пушки не стоит трогать, нужно только развернуть башню чуть влево. Градусов на двадцать. Там возможна цель. Еще немного. Логунов снова высунул голову в люк танка, подставляя лицо сырому сентябрьскому ветру.

Холм слева он увидел сразу, на фоне посеревшего неба. Нечеткая граница, но он ее все же заметил. Там темно и никакого движения. Но это не значит, что в этой тишине не замерли фашисты, наблюдая за местностью, прислушиваясь к странным звукам и лязгам. Танк вынырнул из низинки и «клюнул» стволом пушки, чуть не задев землю. Амортизаторы тут же выпрямили тяжелую машину, и Логунов вцепился руками в край люка. Впереди на еле приметной грунтовой дороге стоял грузовик.

– Не стрелять! – успел выдохнуть старшина. – Бабенко, дави грузовик!

Удар гулом пронесся в недрах танка. Многотонная махина заскрежетала гусеницами, чуть приподнявшись, тут же опустилась, сминая металл, разрывая с треском доски кузова. Логунов опустил голову в люк, чтобы не поймать случайную пулю. Он успел увидеть, что два немецких солдата склонились над открытым мотором машины. Они не успели отскочить, когда из темноты с лязгом появился танк и вдруг подмял грузовик, разметал по дороге обрывки металла и брезента и опять ушел в ночь.

Логунов снова высунул голову из люка. Здесь, возле самого леса, было намного темнее. Наступала ночь. Старшина прислушался к гулу двигателя, к лязгу гусениц. Кажется, все в норме. Логунов с его опытом вполне мог только по звуку работающего мотора, по характерному лязгу гусениц понять, почувствовать, что где-то в танке назревает проблема, что может случиться поломка или уже что-то не так с боевой машиной.

– Семен, сбавь скорость, – приказал он Бабенко. – Переходи на первую передачу. Сейчас будет поворот на лесную дорогу.

– Пеньки, опасно, – отозвался механик-водитель.

– Лейтенант советовал этот путь. Говорил, просека расчищена прямо перед войной под трелевочные трактора. Не успели там толстые стволы вырасти. Смело можешь подрост давить.

– Ну, если Алексей Иванович сказал, тогда можно, не боясь, идти.

Где-то в глубине души у Логунова шевельнулся червячок ревности. Соколову верят, а я, значит, могу и ошибаться. А у меня опыта побольше, чем у лейтенанта. Что это я, осадил сам себя старшина. Все правильно, и Бабенко Соколову верит, да я и сам со своим опытом ему доверяю больше, чем себе. Все правильно, пусть верят лейтенанту, с такой верой люди без страха в бой идут. Командиру надо верить. А мне надо такую веру в лейтенанта поддерживать в экипаже.

«Зверобой» по большой плавной дуге свернул к просеке. Такой маневр умел проделывать только Бабенко. Не с ревом двигателя на месте на одной гусенице, чтобы с корнем весь дерн содрать, да на катки намотать, да чтобы противник за версту видел, что тут танк разворачивался. Механик-водитель поворачивал очень плавно, работая фрикционами, чуть притормаживая одной гусеницей. Как он видел в темноте, самому Бабенко неизвестно. Но бывший инженер-испытатель умудрился провести танк между двумя толстыми стволами деревьев и плавно уйти на просеку, не оставив за собой здорovenного пролома в осиновом подросте. Как на цыпочках прошел, усмехнулся старшина.

Танк качнулся, останавливаясь. Бабенко размял плечи, несколько раз сжал и разжал пальцы рук, потом стал натягивать на шлемофон ремни с окулярами прибора ночного видения. Логунов разрешил заряжающему и радисту-пулеметчику подремать. Сейчас все равно необходимости в бодрствовании всего экипажа не было. Видимость ограничена, следов техники не видно. Не было здесь немцев. Здесь вообще года два никого не было. Усевшись на край люка, Логунов смотрел вперед по сторонам, иногда подсказывая Бабенко более легкий путь,

если впереди вдруг появлялось дерево покрупнее или если он замечал, что росли они гуще. Танк шел неторопливо, мерно шлепая гусеницами, треща подминаемыми стволиками молодых деревьев. Темнота, тишина. Спокойно вроде, но как-то тревожно на душе. Больно уж легко прошли передовую.

Пять часов прошли незаметно. Заметив небольшую полянку, Бабенко вывел на нее танк и заглушил двигатель. Сразу навалилась влажная промозглая тишина. Старшина спрыгнул с брони на землю и подошел к переднему люку. Механик-водитель тер пальцами глаза.

– Хорошее место, Семен, – сказал Логунов. – Давай, поспи немного. Сейчас светает в половине седьмого. За два часа до рассвета разбужу: проверим машину, перельем из запасных баков горючее в основные и двинемся дальше.

Разбудив Бочкина, Логунов приказал ему охранять машину, а через два часа передать пост Омаеву. Завернувшись в брезент, он улегся на горячий двигатель «Зверобоя» прямо за башней и тут же уснул. Привычка спать в любых условиях срабатывала на войне безотказно. Уютно потрескивал, остывая, двигатель, в голове закружились невнятные смутные мысли, которые то исчезали, то снова выплывали, унося человека в мир снов. Потом Логунов уснул крепко и без всяких снов. Как всегда спят на войне, используя каждую минуту для отдыха.

В половине пятого утра Логунов проснулся сам, будто от толчка. Он услышал голос Бабенко, который советовал, как и где лучше разжечь его горелку, заправленную дизельным топливом. В самом начале войны Семен Михайлович придумал ее и сам собрал из подручных средств в мастерской. Экономичная, незаметная в темноте и очень эффективная, когда надо быстро согреть литр воды, чтобы напоить экипаж горячим чаем. Коля Бочкин и Руслан чему-то посмеивались. Слышен был плеск воды. Значит, умывались. Вот молодежь, и война им нипочем. Тут изведешься весь, мысли одна мрачнее другой. Ответственность такая, что удавиться хочется, а им смешно. Молодость, молодость.

Крепкий чай заварили прямо в котелке, положив туда сразу и сахар. Сидя на расстеленном брезенте, торопливо съели по банке тушенки на двоих, выпили горячий и очень сладкий чай и начали готовить танк к дальнейшему пути. Пока Бабенко с фонарем проверял гусеницы, амортизаторы, трансмиссию, экипаж заправил основные баки танка горючим. Заниматься этим днем будет некогда. Возможен бой, снова начнутся гонки по пересеченной местности, и Бабенко будет выжимать из машины все возможное. Логунов собрал экипаж возле танка и развернул карту. Небо светлело, но в лесу еще было темно. Бледный луч командирского фонарика скользил по листу топографической карты.

– Смотри, Семен, мы сейчас примерно вот здесь. – Логунов обвел небольшой участок леса на карте тупым концом карандаша. – Просека идет под углом к опушке леса, и мы выйдем где-то вот здесь в прямой видимости от железной дороги. По сведениям партизан она не действует, потому что полотно взорвано в трех местах западнее этого места. Так что станция на востоке.

– Выйти-то мы выйдем, – спокойно ответил Бабенко. – А вот как ты дальше действовать собираешься?

– Так же, как действовали до сих пор. Времени у нас с вами очень мало, товарищи. Поэтому открытое пространство между этим лесом, где мы сейчас, и Щекинским лесным массивом проскочить придется хоть с боем, хоть как. Наверняка нас засекут и кинутся в погоню. Оторваться надо километров за тридцать от станции, чтобы фашисты не поняли, куда лежит наш путь. Вот здесь, смотри, Семен Михалыч, овражки с пологими склонами, речушка мелкая. Здесь можно затеряться, а потом проскочить в лес.

– Дорог через лес мало, – провел пальцем по карте Бабенко. – И в нужном нам направлении совсем нет. Вот здесь, со стороны оврагов указано, что преобладает лиственный лес, береза и осина. Редколесье. Выскочим из оврагов, и я проведу нас осторожно между деревьями в глубь леса.

– Хорошо. Но возможен бой. Если у них зенитная батарея прикрывает станцию на таком расстоянии, то нам скучно не будет. Одно попадание, и хана. Маневрировать четко и быстро. Коля, чтобы со снарядами не мешкал! Так, если повезет прорваться к оврагам и уйти в Щекин лес, то уходим вот сюда, в ельник, ближе к восточному краю леса. Отсюда будем вести разведку. Ситуация сама подскажет, как близко можно подъехать «Зверобоя» к станции. В противном случае придется побегать ножками.

– А что партизаны говорили об охране станции? – спросил Омаев. – На их сведения можно ориентироваться?

– То, что я узнал от Соколова, не очень обнадеживает. Партизаны не смогли оценить силы охраны. Восемь вышек с пулеметами. Территория огорожена колючей проволокой и патрулируется круглые сутки. Охрана живет в здании бывшего железнодорожного училища. Судя по размерам здания, больше батальона оно вместить не способно. Скорее всего две роты солдат, пара зенитных батарей, возможно, один или два минометных взвода и четыре дзота с пулеметами. Еще они видели грузовые железнодорожные платформы, которые прицепляли к составам. На платформах мешки с песком. Думаю, что там тоже пулеметы или даже минометы. Бронепоезда партизаны не видели, и от этого как-то легче.

– А ремонтные подразделения? – спросил Бабенко. – О них тоже шла речь.

– Якобы ремонтные подразделения живут в теплушках. Они и прибыли на станцию по железной дороге. Вот и все сведения. Наша задача определить, где стоят составы с рельсами и шпалами, а также уточнить имеющиеся сведения о системе обороны станции. А это шесть рядов путей почти по полтора километра. Это отстойники и запасные пути. И дальние тупики, куда загоняют лишние вагоны. Так что площадь станции большая.

Бабенко повел танк по просеке, когда первые лучи солнца начали пробиваться через кроны деревьев. Логунов то и дело сверялся с картой, размышляя о возможных вариантах развития событий. Фашисты о просеке скорее всего не знали. Но о том, что советский танк проехал недавно по дороге и раздавил военный грузовик, немецкое командование наверняка уже знает. Значит, искать этот танк-призрак будут. Нельзя оставлять в тылу такую угрозу. Тут ведь передвигаются важные особы в генеральских чинах, перевозятся документы, приказы, планы. Снабжение идет тоже по дорогам. И тут вдруг русский танк, который может натворить столько бед, что потом перед вышестоящим начальством не оправдаешься. Будут искать, но танк пропал. Значит, немцы станут гадать, куда он делся, где он мог спрятаться и... Будут пытаться устраивать ловушки и кордоны, чтобы перехватить этот неизвестный, но очень опасный танк.

– Вася, давай свернем с просеки, – остановив машину, предложил Бабенко. – Смотри, здесь можно правее лесом выйти. Мы намного ближе окажемся к оврагам, если выйдем правее просеки?

– Даже немного дальше, – задумчиво прозвучал в шлемофоне голос командира танка. – Я вот тоже думаю, а с этой стороны леса, куда мы идем, там просека хорошо видна? Может немцы ее заметили и прикидывают, не здесь ли мы появимся.

– Вот и я о том же.

– Так, ладно, – голос Логунова снова приобрел стальные интонации. – Решение принято. Бабенко, выводи «Зверобоя» правее просеки. Точное направление к оврагам я подскажу. Всем быть наготове. Вперед, Семен!

Очень хотелось Логунову сразу развернуть башню влево, по лесу так не проехать, пушка будет цепляться за стволы деревьев. Почему влево? Интуиция подсказывала, что засаду сделать удобнее именно левее просеки. Услышат рокот двигателя те, кто находится за лесом? Могут, даже скорее всего услышат. Хотя, судя по движению верхушек деревьев, с утра поднялся ветер. А шум леса может заглушить шум танкового двигателя.

– Семен, правее забирай, – машинально приказал старшина, думая лишь о том, чтобы выйти из леса как можно дальше от просеки. Жаль, что вообще нельзя еще немного проехать, не выезжая на опушку.

– Вижу, вижу, – отозвался механик-водитель, – правее реже деревья растут. Опушка близко.

– Будь готов сделать на опушке «короткую»!

Логунов прикинул к перископу, поворачивая его вправо и влево. Вот уже лес совсем стал редким. И вправо от направления движения танка стало просматриваться поле, поросшее бурьяном и мелким кустарником. И дальше понижение местности. Он снова развернул перископ влево. Еще немного, еще двадцать метров и...

– Коля, бронбойным! – заорал старшина и опустил к прицелу, бешено вращая две рукоятки: поворота башни и угла наклона ствола орудия.

Три «тигра» стояли на опушке почти незамаскированными. Немецкие танкисты поленились и воткнули перед своими машинами лишь несколько срубленных стволиков осинок. Положение танков, разворот башен и такая слабая маскировка послужили подсказкой к принятию решения. Немцы не были готовы встретить советский танк. Они здесь стояли потому, что им приказали. Не готовы они мгновенно включиться в бой. Разумеется, никто не сидел на броне в трусах и не играл на губной гармошке. Наверняка экипажи сидели в танках и ждали команды своего командира. Но убежденности в том не было, ибо это была «дежурная» готовность. А такое поведение врага давало «Зверобой» несколько секунд времени. А еще гитлеровцам придется доворачивать башни. Да, у них башню вращает электромотор, но и ему нужно время.

«Тридцатьчетверка» появилась не из просеки, откуда ее ждал немецкий командир, а гораздо дальше и ниже. Там, где уже начинался понижаться рельеф. И пока он подавал команду, похолодев от того, что проворонил русский танк, что этот призрак все же появился там, где его меньше всего ожидали, «тридцатьчетверка» остановилась, качнувшись на амортизаторах. Ее башня была уже повернута в сторону врага. Гулко ударил орудийный выстрел, и командирский «тигр» вздрогнул от удара в нижнюю часть корпуса. По команде своего лейтенанта два танка успели выстрелить по русской «тридцатьчетверке», но наводчики поспешили, и два бронбойных снаряда прошли выше танка, зарывшись в землю далеко в поле.

«Вперед!» Два «тигра» смяли деревца, которыми были замаскированы, и, выбросив клубы дыма, рванули в погоню за советским танком. И только командирская машина сразу же стала разворачиваться, разматывая сорванную гусеницу с разбитого ведущего катка. Болванка, выпущенная советским танком, угодила точно в гусеницу, обездвижив танк немецкого командира. Коля Бочкин снова зарядил пушку, но теперь уже фугасным снарядом. Подбить тяжелый немецкий танк в лоб Логунов и не надеялся, но ему нужно было выиграть время, нужно было сделать еще что-то, чтобы «Зверобой» успел нырнуть в низинку и выйти из зоны обстрела «тиграми».

– «Короткая!»

И снова «тридцатьчетверка» послушно замерла на месте. И снова удача, а скорее все же интуитивный расчет скорости, с которой стреляет экипаж «тигра». В момент остановки вражеские танки выстрелили, но упреждение оказалось излишним, и снова бронбойные снаряды прошли мимо. «Выстрел!» Фугасный снаряд взорвался, угодив переднему «тигру» в башню в районе оптики прицела. Возможно, повредить оптику и не удалось, но на какие-то секунды от удара и вспышки наводчику будет не до стрельбы.

«Зверобой» снова рванул с места, забирая влево и уходя в низинку. Судя по карте, долина речушки была извиистой, и поэтому, даже зайдя с тыла, «тигр» очень редко видел бы корму советского танка перед собой. Ему каждый раз при повороте потребуется несколько секунд, чтобы снова навести орудие и выстрелить. Но Логунов не намеревался давать такого шанса

врагу. Более того, он был уверен, что немцы не кинутся за ним вниз. Тяжелые танки, насыщенная влагой почва речной поймы. Нет, они побоятся завязнуть в грязи.

Пришло время снова открывать люк. Старшина высунул голову и осмотрелся. Рев двух танковых моторов был близко, но понять, где немцы, он не смог. И тут появилась подсказка. Слева над склоном он увидел небольшой клубок дыма выхлопных газов. Значит, «тигр» левее и выше него. И метров через тридцать может показаться в пределах прямой видимости.

– Бронебойным!

– Есть бронебойным!

Немец выскочил впереди и слева, где грунтовая дорога спускалась в низинку к броду. Расчет был правильным, угол наклона пушки и уклон, под которым остановился «тигр», давали ему возможность поразить советский танк. Но немец принял слишком поспешное решение. «Зверобой» еще не дошел до нужного фашистам для точной стрельбы места. Логунов не спешил, он имел возможность или развернуться и уйти назад, или свернуть направо и форсировать речушку и уйти на противоположный склон. Но сейчас перед ним была цель, и цель находилась в самом уязвимом положении. Да еще на расстоянии в сотню метров. Такого злорадства в голосе командира танка экипаж давненько не слышал:

– Выстрел! Сука...

Болванка, выпущенная «Зверобоем», проломила броню моторного отсека немецкого танка. Еще несколько секунд, и из клубов серого дыма вперемешку с паром взметнулись языки яркого пламени, а потом взорвался бензобак, и в небо ударил с гулом столб огня. Логунов, выбрался из люка и встал на башне в полный рост. Теперь ему было видно то, что творилось выше, над бровкой оврага. Первый танк так и не отъехал от леса. Второй стоял посреди поля, и на его броне топтались двое немецких танкистов. Судя по всему, фугасный снаряд повредил «тигр». И скорее всего у него не поднималась пушка. Логунов с довольным видом снова залез в танк и высунул голову в люк.

– Ходу, Семен! Мы «умыли» их! Давай через брод и к лесу. Хлопцы, мы три «тигра» сегодня подбили!

– Хорошо горит! – послышался в шлемофоне восторженный голос Бочкина.

– Век бы любовался, – буркнул Логунов.

Хрустя мелкими камешками под гусеницами и разбрызгивая воду, «Зверобой» пронесся по реке и с ходу выбрался на противоположный берег. Немецкий командир доложит, да и, наверное, уже доложил о результатах скоротечного боя, о том, что один русский танк подбил два тяжелых немецких танка и один сжег. И направление укажет, куда направилась «тридцатьчетверка». Но врагу снова придется гадать, куда и зачем направляется эта советская машина. Самое умное было бы предположить, что отставший от своих танк попытается пробиться к переднему краю и вырваться к позициям Красной Армии. Ну-ну! Пусть так и думают!

Моложавый подтянутый майор, представившийся помощником начальника штаба дивизии, встретил артистов очень радушно. Для фронтовой бригады приготовили помещение в полуразрушенном здании школы. Два класса в уцелевшем крыле очистили от мусора и разбитой мебели. Поставили солдатские железные кровати и сбили несколько деревянных лежанок. Во дворе школы организовали даже баню, установив большую штабную палатку с печкой-буржуйкой.

Когда бригада артистов стала спускаться с помощью бойцов из кузова машины, Лиза замерла, глядя по сторонам широко раскрытыми глазами. Почти год прошел с тех пор, как она оказалась с ранением ноги в госпитале, как они встретились, а потом вынужденно расстались с Колей, как она покинула прифронтовую полосу. И сейчас все эти воспоминания нахлынули снова. Это был другой городок, другие люди, но внутренне все оставалось прежним. Наверное, тонкая душа музыканта чувствовала атмосферу близости фронта, атмосферу сурового муж-

ского быта. Война, тут не место сомнениям и терзаниям. Все просто, и все подчинено одному – подготовке к бою, отдыху между боями. И самим сражениям, конечно, тоже. Лиза там, в Куйбышеве, пыталась снова и снова представить, каково это каждый день находиться в шаге от смерти, привыкнуть к этому, идти на смерть во время каждого боя. А потом, если ты остался жив, не ликовать, не праздновать, а снова готовиться к следующему бою и прощаться с погибшими товарищами. Как же это трудно! Какими монументами нужно почтить память тех, кто прошел через кровь и боль, кто день за днем живет во этом кошмаре, тем, кто защищает Родину не щадя себя, кто живет и снова идет в смертельный бой.

– Дочка, ты что мешкаешь? – раздался снизу голос. – Прыгай давай.

Лиза опустила голову и увидела насмешливое и доброе лицо солдата с густыми прокуренными усами. И не было в его лице ничего сурового, каменного. Улыбчивый дядька, который по возрасту годился ей в отцы. И глаза добрые, теплые.

– Испугалась, пигалица?

– Я сейчас, дядечка, – заулыбалась Лиза, у которой вдруг на душе стало необыкновенно хорошо от ощущения человечности, от ощущения потребности этих людей в простой солдатской форме слушать и слышать музыку.

А ведь они рады нам, мы ведь для них частичка мирной жизни, частичка того, что осталось дома, там, где их семьи или где воспоминания о чистом и светлом довоенном времени. И Лиза подала руки, позволила поймать себя и поставить на землю. И дядечка в солдатской форме отряхнул ее старенькое пальто и подал небольшой вещмешок, который Лиза забыла в машине.

– А ты, что ли, певица? – спросил солдат, продолжая смотреть на девушку добрыми глазами.

– Ну, не совсем, – засмеялась Лиза. – Я еще только учусь, но я обязательно стану певицей, музыкантом!

– А нечто на певиц учат? – искренне удивился солдат. – На механизаторов учат, знаю. Сам учился. Другим рабочим специальностям учат, а чтобы на певиц... Ну ты меня, дочка, удивила!

– А вы думаете, что певицами рождаются? – снова рассмеялась Лиза.

На душе у девушки было очень волнительно и хорошо. Она была здесь, приехала, где-то здесь и Коля. И она обязательно его встретит. И солдаты – такие душевные и простые люди. И ей хотелось смеяться и петь, петь для этих людей, разговаривать с ними со всеми, видеть их глаза. И хотелось, чтобы все вокруг тоже улыбалось.

– Я думал, что как у нас на селе, – развел руками солдат. – Как от батьки с мамкой дар появился, так и поют за околицей на зорьке вечерней да на свадьбах. И все село знает, в каком доме певунья живет и откуда ее звать на праздники и гулянья. А оно вон как! Учиться, говоришь, нужно?

– Обязательно учиться, – уверенно заявила Лиза. – Чтобы что-то делать хорошо, этому надо обязательно учиться. Дядечка, а скажите, где у вас тут танкисты?

– Ишь ты какая? А на что тебе танкисты?

– У меня там... – Лиза замялась, не решаясь произнести то, что давно уже чувствовалось внутри, с чем она сроднилась. Но это было ее личное. Все же она собралась с духом и выпалила: – У меня там жених!

– Ну, если жених, так надо было написать ему, что ты приезжаешь. Командиру бы написала на его полевою почту, он бы сам обратился по команде. А так, кто ж тебе, дочка, скажет, где тебе твоего суженого искать.

– А у меня номер его полевой почты есть, – засуетилась Лиза и полезла во внутренний карман своего пальто.

Булавка, на которую этот карман был застегнут, никак не хотела раскрываться. От волнения не слушались пальцы. Девушка покраснела от волнения. Солдат, с которым она разговаривала, попытался успокоить Лизу, стал убеждать, что бесполезно показывать письмо. Но девушка уже достала носовой платок, в который аккуратно были завязаны письма. Стопка мятых треугольников из бумаги.

– Вот, вот, смотрите, дядечка! Вот номер полевой почты! Ведь мне же по номеру могут сказать, где находятся танкисты, ведь им же почту тоже доставляют.

– Дочка, да пойми же ты. – Солдат нахмурился, видя, что Лиза вот-вот заплачет. – Война ведь. А это армия. Не положено никому знать, где какая часть находится. Только командованию положено знать да почтальонам. Им сам бог велел. Не знаю уж, что и посоветовать. Ты поговори в штабе. Вас вон как душевно встречали, разместили даже с банькой. Поговори в штабе, может, тебе и помогут.

Немецкий майор молчал всю ночь. Его можно было понять, всю степень морального потрясения. Совсем недавно он во главе своего батальона атаковал наши позиции, был уверен в своей победе, в победе немецкого оружия и ничтожности славянской расы, и вдруг в один момент все переменялось. Фланговый удар всего одной танковой роты русских, и конец всему. Огонь, паника, гибель солдат, горящие бронетранспортеры, и советские «тридцатьчетверки» с красными звездами на башнях утюжат гусеницами остатки батальона. И вот уже сам командир со связанными руками, в порванном мундире, как мешок, лежит позади танковой башни, и его везут, как барана на бойню, куда-то в тыл. И нет спасения, нет никакой надежды на спасение, на жизнь. Бой проигран, победа отвернулась от доблестных германских войск. Один миг, и все рухнуло. Рухнул весь мир.

Пленный поднял глаза на того самого командира танкистов, который в мгновение ока изменил ситуацию и решил исход боя. Молодой лейтенант, уверенный, со стальным взглядом, русоволосый. Славянин! Да он мог украсить своим портретом любую выставку образцов арийской расы. И речь его почти правильная, с едва уловимым акцентом. Откуда он так хорошо знает немецкий язык? Может, из прибалтийских немцев?

– Майор Зиверс, – четко выговаривая слова, снова заговорил русский лейтенант. – Вы напрасно молчите. Своим молчанием вы только усугубляете собственное положение. Мне не надо вам объяснять, что советский народ и Красная Армия относятся к вам как к преступникам, ненавистным преступникам против всего советского народа. Спасти вам жизнь может не наша добрая воля, а ваше желание сотрудничать с нами и давать сведения. Ваша война на этом закончилась. Не старайтесь закончить еще и вашу жизнь.

– Меня расстреляют? – стараясь говорить так, чтобы голос не дрожал от волнения, спросил немец.

– Расстреляют? – переспросил русский лейтенант, и серые глаза его блеснули недобрым холодным огнем. – Вы надеетесь на какие-то военные почести? А не думаете ли вы, что вас просто отведут за бруствер и пристрелят, как собаку. Или повесят, как преступника! Лучшим для вас выходом будет, если вас отправят в Сибирь валить лес и строить железную дорогу. Ваша откровенность исхода войны не решит, но снисхождение лично к вам нужно заслужить. Так что решайте.

Пленный опустил голову. Его начинающий лысеть череп чуть покачивался, будто человек про себя спорил сам с собой, и это отражалось в движениях его головы, в движении пальцев рук. Небритое лицо то и дело искажала гримаса отчаяния и муки. Полковник Островерхов смотрел на немца и нетерпеливо постукивал по столу карандашом. И со стороны это выглядело как-то даже зловеще. Вот-вот кончится терпение русского полковника, и он прикажет увести и шлепнуть пленного. Зачем с ним возиться, если он такой упрямый!

– Я буду говорить, – слышался тихий голос немца.

– Хорошо, – кивнул Островерхов. – Какова цель того последнего боя, в результате которого вы попали в плен?

– Перерезать железную дорогу и две шоссежные дороги, – ответил немец. – Партизаны взорвали железную дорогу в нескольких местах. Отремонтировать за короткий срок такое количество полотна невозможно. Было принято решение атаковать ваши части, отеснить их на расстояние не менее пятидесяти километров восточнее и осуществить переброску танковых частей.

– Откуда, в каком количестве и для каких целей?

– С Белгородско-Харьковского направления – танковая дивизия. С Шосткинского и Брянского направления – механизированная дивизия. Готовился упреждающий удар, блокирующий ваше предстоящее наступление.

– Какими сведениями о нашем наступлении располагает ваше командование? – не выдав своего раздражения, ровным голосом спросил Островерхов.

– Я не знаю точно. Я не посвящен во все планы командования армии. Просто мне известно, что о вашем предстоящем наступлении в штабе армии знали. Не могу сказать, насколько эти сведения верны.

Пленного увели. Островерхов тяжело поднялся и подошел к карте на стене, отодвинул плотную занавеску, скрывавшую карту. Он постучал карандашом по бумаге и бросил Соколову через плечо:

– Да, наделал ты делов, танкист! Все планы фашистам спутал. Еще немного, и ты самому Гитлеру станешь врагом номер один. Личным, так сказать, врагом. Атаку ты им сорвал. После твоего эффектного выхода во фланг они потеряли до полка пехоты и два батальона танков. В ловушке оказались, голубчики, и долбили мы их, как в тире.

– Я только отвлек на себя противника. И два танка я потерял в этом бою.

– Война, Соколов, война, – задумчиво проговорил полковник. – Никуда не деться. Приходится терять людей, терять и терять. Но ты не только помог эту атаку сорвать, ты сорвал им подход подкрепления. Захвати они станцию и этот участок рокады, и через сутки нам бы стало здесь жарко. Значит, у них там паровозы под парами стояли, и танки на платформах были загружены. По свистку пошли бы составы сюда, а уж здесь... Как там твои? Справятся?

– Конечно, справятся. Старшина Логунов – опытный командир. Он еще в финскую воевал. Я с этим экипажем несколько раз с рейдами за линию фронта ходил. Справятся, товарищ полковник!

– Хорошо, если справятся, – задумчиво проговорил Островерхов. – За несколько дней до начала наступления немцы могут успеть отремонтировать большое количество путей, если столько техники, рельсов и шпал свезли на станцию Роцино. Очень нам нужны точные сведения, очень. А если это обман, лейтенант, если это пустышка, которую нам фрицы подсовывают? Мол, вон сколько всего на станции, мы готовим масштабную переброску войск! Поведем и отменим наступление. А им того и надо. Им, может, хочется успеть оборону усилить, какие-то приготовления сделать, о которых мы и понятия не имеем. Нельзя нам в таких условиях давать фрицам время на размышление, на подготовку. А судя по всему, фашисты очень хотят выиграть время. Что ж, будем надеяться на твоих ребят... Ты вот что, Соколов! Побудь пока при штабе. Дождемся твоих ребят, тогда с ними и вернешься в батальон. Считай, что ты временно откомандирован в штаб дивизии в качестве переводчика.

Алексей вышел из здания штаба, вяло козырнул часовому у входа и посмотрел на осеннее небо. Ясное, голубое. И солнце такое, что глаза слепит. И листья на березах и кленах огнем горят. Вот ведь приспичило тебе со своей красотой, зло подумал он об осени. Сейчас дожди нужны и туманы. Ночи черные непроглядные нужны, и ветра такие, чтобы звук танкового двигателя заглушить. Как вы там, ребята?

– Товарищ лейтенант Соколов! Алексей! – Звонкий девичий голос вывел Соколова из задумчивости. Он обернулся и увидел девушку в стареньком пальто, потертых ботинках и цветном шерстяном платке на голове.

– Да? – удивился он. – Вы меня?

– Вы не узнаете меня, Алексей? – И девушка стянула с головы платок и тряхнула непослушными кудряшками светлых волос. – Я Лиза, Лиза Зотова! Помните, в прошлом году я с раненой ногой в госпиталь попала, и вы меня всем экипажем навещали?

– Лиза! – заулыбался Алексей, узнав, наконец, девушку. – Откуда вы здесь? Вы ведь уехали в Куйбышев? Коля рассказывал, вы же с ним переписываетесь?

– «Переписываетесь». – Девушка улыбнулась и заметно побледнела. – Я все боялась, что вы произнесете в прошедшем времени. «Переписывались». Я здесь с концертной бригадой. Напросилась, когда узнала, что формируется коллектив для поездки на фронт. А где Коля?

Лиза спросила так быстро, что буквально перебила себя. Видно было, что она боялась задать этот вопрос, но он все время сидел гвоздем в ее голове. И она буквально выпалила его и с надеждой уставилась в глаза молодого лейтенанта. Алексей снова улыбнулся, стараясь не выдать своей тревоги:

– Коли здесь нет, я один здесь при штабе временно. А наша часть в другом месте. Но Коля вот-вот приедет сюда, весь наш экипаж скоро приедет, и вы обязательно увидите. А наш батальон сейчас пока в тылу. Так что не волнуйтесь.

Лиза смотрела в глаза лейтенанта и искала в них смятение, попытку успокоить ее или даже обмануть. Но командир говорил спокойно и уверенно. Значит, нет оснований волноваться. И на глаза девушки навернулись слезы. Она вдруг обессиленно ткнулась Алексею лбом в грудь и вцепилась, как в последнюю надежду, пальчиками в его танкистскую куртку. Соколов сдержал вздох и погладил Лизу по волосам.

– Лиза, ну что ты? Все же хорошо. Коля жив и здоров, воюет хорошо. Он у тебя просто герой. И экипаж танка одна семья. Что ты так разволновалась.

– Я просто очень боюсь за него, Леша, – тихо ответила девушка. – Война...

– Да, Лиза, война, но ты должна верить и ждать! – убежденно заявил Соколов. – Ты просто пойми, что ты, твоя любовь, твоя вера и твоя надежда – они помогают Коле, спасают его!

– Где он сейчас? – Девушка подняла глаза и с мольбой посмотрела на лейтенанта.

– Не знаю, – вздохнул Алексей, радуясь тому, что он не соврал.

Он ведь и правда не знал, где именно сейчас находился «Зверобой» и его экипаж. А о том, что танк находится за линией фронта, можно и не упоминать. Стараясь отвлечь девушку от мрачных мыслей, он стал расспрашивать, с какими песнями Лиза приехала, кто еще будет выступать перед бойцами и где уже концертная бригада успела побывать. Как жаль, думал Соколов, что Коля Бочкин и не знает, что приехала Лиза. А может, и лучше, что не знает? Каково бы ему сейчас было там, в тылу у немцев, если бы он знал, что его любимая сейчас рядом, совсем близко. И его командир слушает ее песни, а влюбленным, может, и не удастся увидеться вовсе. Нет, это хорошо, что Бочкин не знает о приезде Лизы. Если повезет ему быстро вернуться, значит, счастье, а нет... Ну, что же, это ведь война. Тут не до сантиментов. Родина в опасности, и каждый отдает борьбе с врагом всего себя без остатка. И ничего не оставляет для себя личного.

Глава 3

Небольшой холм, очень пологий, со щебнистой почвой, тянулся почти через весь лес до самой железной дороги. Кривые невысокие березки пытались здесь расти, заполняя все пространство, цепляясь корнями за неблагоприятную для них почву. Танк шел медленно, оставляя за собой лишь влажный след из перевернутых, вывернутых камешков. Но и они, подсохнув на солнце, скоро сольются серым цветом с окружающей почвой, и ничто не будет напоминать о прошедшей здесь тяжелой машине.

– Ну, что, Семен, как тебе позиция? – выбравшись из башни, спросил Логунов.

Бабенко вылез через передний люк и стал разминать спину, плечи. Попутно он осматривался по сторонам. Стащив с головы шлемофон, механик-водитель вытер рукавом испарину со лба и стал обходить танк, осматривая его.

– Место хорошее, – говорил он. – К нам трудно подойти незамеченными. Но и у нас пути отсюда только два. Назад той же дорогой, по которой сюда забрались, или по крутому склону вон там севернее.

– А вот и станция! – раздался голос Бочкина, высунувшегося по пояс из люка. – Это мы уже так близко от цели?

– Близко, – подтвердил старшина, – каких-то два километра всего. Давайте все к машине!

Усевшись на траве, Логунов расстелил карту. Экипаж расселся вокруг. То, что «Зверобоя» удалось уйти от погони, удачно миновать засады, было только половиной дела. А может, и меньшей его частью. Теперь предстояло произвести разведку, нанести на карту необходимые данные. А потом снова проделать нелегкий путь, вернуться к своим и передать сведения командованию. Кто знает, может быть, самое сложное и опасное как раз впереди. А путь сюда был всего лишь легкой прогулкой.

– Мы сейчас находимся вот здесь, в этой части Щекина леса, – показал тонкой веточкой на карте Логунов. – По прямой до станции Рошино-Узловая не больше двух километров. Вот эти пути, что уходят справа от нас от станции, взорваны в нескольких местах. Южнее выход со станции в двух направлениях и одна ветка действующая. Там пути после взрывов партизан уже восстановили. Таковы последние сведения, которыми нас снабдили. Наша задача: путем наблюдения за станцией в бинокль, а также несколькими вылазками непосредственно к самой станции установить и нанести на карту места складирования запасов рельсов и шпал. Или места стоянки составов с рельсами и шпалами. Также нам предстоит оценить примерно количество подразделений, присланных для восстановления путей и соответствующей дорожной техники на станции. Все ясно? Вопросы есть?

– Все ясно, – первым ответил Бабенко. – Приказывай, командир!

– Ну, слушайте мой приказ. Действуем, как положено. Семен Михалыч, от танка ни ногой! Твоя задача, проверить машину, подготовить ее к длительному маршу, чтобы в любой момент можно было отправляться в путь. Наруби тонких деревьев, замаскируй «Зверобоя».

– Есть, командир, – с готовностью ответил Бабенко и сделал попытку встать, но тут же опомнился: командир танка никого не отпускал, а он опять повел себя не по-военному. Семен смутился и снова опустился на траву.

– Бочкин, возьми автомат и спустись чуть ниже, метров на сто. Там где-то ручей есть. Найди его. Заодно осмотрись, как с той стороны можно подойти к нам. Скрытно или открыто. Есть ли там следы пребывания людей. Ну, а я и Омаев заберемся на деревья и начнем наблюдать за станцией. Коля, ты с Бабенко приготовьте ужин к семнадцати часам, посытнее. Когда придется завтракать, еще неизвестно. За ужином обменяемся мнениями, а в ночь я и Омаев отправимся на разведку к станции. Все, давайте за дело!

Станция с высокого яра была видна почти вся. Несколько строений и часть путей были скрыты высокими деревьями, иногда подхлывшими к Рожино почти вплотную. Руслан захватил из танка кусок веревки и, забравшись на удобную ветку в гуще кроны старой высокой березы, первым делом привязал себя к стволу. Так у него оставались свободными руки, и он мог наклонять корпус в любую сторону, если ветка или густая листва мешали рассмотреть что-то. А еще он мог свободно на схеме, которую нарисовал сам для себя, делать пометки. И для этого тоже нужны были свободные руки. Молодой чеченец хорошо помнил слова своего деда, бывшего пластуна: «Ничего не происходит само собой и просто так – ни ветка не шелохнется, ни собака не залает, ни стая птиц не сорвется с веток и не взлетит».

И сейчас, сидя на дереве, он не просто смотрел на станцию, но и пытался понять, «что и почему». Цистерны, почти два состава цистерн отведены на самые дальние пути. Почему? Если в них бензин, то почему не идет заправка, почему не подходят бензовозы? Если в них бензин и не идет заправка, значит, чего-то ждут. Например, момента, когда сразу понадобится столько бензина. А когда он может понадобиться в таком количестве сразу? А тогда, когда надо сразу заправлять много техники, танков. У немцев на танках бензиновые двигатели. Приготовили столько бензина для наступления? А если цистерны пустые, то почему их отогнали не в отстойник, где формируются составы, а на те крайние пути, к которым есть хороший подъезд со стороны дороги. Там даже платформа выстроена удобная.

Рельсы, надо искать рельсы. По сведениям партизан, их много на станции. Грузоподъемность одного вагона или платформы, кажется, 60 тонн. Значит, надо искать составы, у которых на платформах груз не объемный, а очень тяжелый. Есть такие. Вон первый состав от стрелки и вдоль лабазов. И на платформах груз брезентом укрыт и ветками. Ясно, что уложено что-то длинное. А вот и еще такой же состав. И тоже платформ сорок. И стоят эти два состава как раз так, что через стрелку их сразу можно выдвинуть в северном направлении, туда, где партизанами взорвано полотно. Но это все догадки, там вполне могут оказаться зенитные орудия, столбы для телеграфной связи, понтоны для переправы. Надо бы поближе рассмотреть и руками пощупать, а пока ставим знак вопроса на схеме.

Так, что еще важного? Где ходят патрули, каким маршрутом, с какой периодичностью. Вдоль проволоки ходят и в основном возле леса ходят. А подъездные пути открыты. Нет, дорогу перекрывают «козлы», обмотанные колючей проволокой. Вышки. Восемь вышек. И стоят так, что прикрывают станцию со стороны леса. Должны быть еще дзоты или оборудованные огневые точки. Есть такие! Одна, две, три – обложены мешками с песком, амбразура, станковый пулемет. Видно троих солдат. С противоположной стороны станции, видимо, такие же точки. Да, охраняется станция хорошо.

А что там, в кирпичном здании, казарма? Видимо, она. Вон полевая кухня дымит, и машины стоят только грузовые. Но много личного состава в этом здании не разместишь. Охрана станции, саперные и железнодорожные ремонтные подразделения. Вон еще здание, поменьше. Это административное здание, там начальство квартирует. И три легковые машины возле здания. Штаб какой-то или комендант станции в нем расположился? А что вон в тех лабазах? Движения никакого, но, может, мне просто с этой стороны не разглядеть. Если склады, то ворота у них с другой стороны. Вот! Стая птиц взлетела с крыши, как будто ее вспугнули. Значит, там какое-то движение.

Со стороны замаскированного «Зверобоя» потянуло запахом мясной каши. И только теперь Омаев вспомнил, что сильно хочет есть. Они ведь ничего не ели с самого раннего утра, когда прорывались из леса. Потом бой с тремя «тиграми», снова пришлось путать следы и уходить от возможного преследования. И так весь день.

Логунов, Омаев и Бочкин сидели у костра и с жадностью уминали кашу с тушенкой. Бабенко с автоматом ушел чуть ниже, заняв там пост и охраняя танк со стороны леса. Коля Бочкин рассказал, что лес абсолютно дикий и нехоженный. Как у них в Сибири. И уж точно сюда

ни техника не въезжала, ни люди здесь не проходили в большом количестве. Следов прокладки связи или строительства позиций тоже не было. Даже когда здесь шли бои, то лес не очень-то и бомбили. Видать через него никакие части не проходили, технику в нем скрывать никто не пытался. В лесу очень много поваленных подгнивших деревьев, много валежника, через который не продрагаться пешему человеку. Потом танкисты стали обсуждать то, что увидели на станции с расстояния. Логунов согласился, сославшись и на свои наблюдения, что немцы чего-то ждут, что идет или завершена подготовка к ремонтным работам. Сформированы даже ремонтные поезда. Два поезда на тяге мотодрезины, видимо, пойдут восстанавливать пути на небольшом расстоянии. Есть и маневровые паровозы, целых три штуки. И к ним подцепили по три платформы и теплушку, наверное, для солдат. А еще у каждого состава платформа, на которой установлены пулеметы, и по краям они обложены мешками с песком. Охрана! Но поезда стоят не под парами. Значит, не сегодня и не завтра начнутся работы. Тем более что два открытых угольных склада пусты. Это тоже заметил Омаев и сам Логунов. Наверняка есть еще места, где хранится уголь для паровозов. И есть закрытые склады. Для такой станции нужно много угля или дров.

– Товарищ старшина! Василий Иванович! – Омаев подошел ближе и заговорил тихим голосом: – Давайте я один пойду? Вам же тоже не положено по Уставу отходить от машины, как и механику-водителю. Или дайте мне Колю.

– Ты видел, как станция охраняется? Коля хороший танкист, но тут больший опыт нужен. Устав! Устав много чего не велит, но обстановка требует. Сейчас танк бесполезен, Руслан. Вот закончим благополучно разведку, тогда снова по Уставу воевать начнем. А пока наш «Зверобой» – лишь блиндаж и огневая точка в лесу.

– А может, на танке ворвемся на станцию, пронесемся? И урон нанесем врагу, и сразу все, что нужно, увидим!

– У них там две зенитные батареи. Ты что, не видел? Они из нас в два счета металлолом сделают. Все, хватит, Руслан! Нас сейчас здесь двое самых опытных, кто может провести разведку и подойти к станции. Вместе нам идти не резон. Лучше разделимся. Так и меньше заметными будем, и площадь для разведки больше охватим. И шанс есть, что хоть один из нас вернется. Давай смотреть подходы для тебя и для меня.

Когда Омаев ушел, Логунов положил руку на плечо Бабенко.

– Остаешься за главного, Семен! Что бы ни случилось, главным для тебя остается: сохранить сведения, если они будут. И спасти танк. Если Руслан вернется, а я нет, то ты их с Колей обоих вытащи, пожалуйста. Никто так «тридцатьчетверку» не знает, как ты. Никто не умеет так с танком обращаться, как ты. Вытащи ребят и «Зверобой» верни к нашим.

– Ну-ну, Вася, ты это... – начал было Бабенко, но Логунов стиснул ему плечо своими стальными пальцами. Механик-водитель слотнул и кивнул с готовностью. – Не волнуйся, Вася, все сделаю. Я смогу.

Логунов вышел к колючей проволоке со стороны оврага. Тут было удобнее пробраться и больше шансов отойти к своим, если его заметят. Даже с вышки. Овраг укроет от пулеметного огня, и он позволит незаметно отойти в любом направлении. Старшина подполз к самой проволоке и посмотрел на часы со светящимся циферблатом. Патруль прошел двадцать минут назад. Через десять минут снова пройдет, и в его распоряжении будет полчаса, чтобы пробраться на территорию станции.

Логунов лежал и рассматривал станцию. Основательно все делают фрицы. Расчистили полосу вдоль леса и оврага. Столбы вкопали, проволоку натянули. Дорожку песком посыпали. Вот лампочек на столбах маловато, но тут ничего не поделаешь. Электростанция разрушена, энергии генератора не хватает, чтобы осветить весь периметр. Обходятся больше прожекторами: луч влево, луч вправо. А патрули с фонарями ходят, а что фонариком высветишь в такую ночь? Разве что танк, а вот столб можно и не заметить, пока лбом в него не уткнешься.

Вытерев вспотевший лоб рукавом комбинезона, старшина снова приподнял голову и прислушался. Так и есть, негромкий разговор. На немецком... А вот и звук шагов, мелкие камешки под сапогами похрустывают. Логунов пониже спустился на животе в овраг и стал смотреть. Три человека. Два рядовых и скорее всего ефрейтор. Винтовки на ремнях висят, на груди фонарики. Но включен только у одного. Ясно, батарейки экономят. Крайний солдат светил в основном под ноги себе и своим товарищам. Но иногда луч его фонарика скользил по колючей проволоке. Пару раз патруль останавливался, и солдаты что-то обсуждали, направляя луч куда-то под деревья.

Внимательно смотря, но без излишней настороженности, оценил поведение патруля Логунов. И винтовки висят на плечах, а не в руках. Не опасаются нападения. Видать тихо у них тут. Расслабились. Вот затихли голоса и звук шагов. Логунов подвинулся ближе к проволоке и посмотрел вправо, влево. Сюда луч прожектора не светил вообще никогда, так что скорее всего его можно не опасаться. Старшина взял заготовленные заранее сучки с развилками на конце. Резать проволоку нельзя – патруль сразу увидит и поднимет тревогу. А вот ползать Логунова научили еще до войны. Хорошо научили. Уперев сучки в землю, старшина приподнял одну часть колючего ограждения. Потом поднатужился и вторым сучком приподнял другую часть. Совсем немного. Он увеличил проем, в который смог осторожно и не зацепившись проползти сам.

Все, теперь осмотреться и убрать сучки, спрятать их здесь же, чтобы была возможность вернуться за пределы станции этим же путем. Убедившись, что поблизости нет солдат, Логунов, низко пригнувшись, обошел фундамент старой водонапорной башни и вышел к путям. Здесь было уже светлее, горели прожектора, которые хоть и не полностью освещали всю территорию, но все же при их свете можно было с вышки заметить человека.

Омаев попал на станцию на немецком грузовике. На повороте дороги, где она проходила через лес, он увидел трех солдат, которые накачивали колесо машины. Удивительно, что в темное время суток за пределы расположения части выехала машина, но пробитое колесо было объяснением, почему немецкие солдаты нарушили определенный заведенный порядок. По ночам без острой необходимости никаких передвижений солдат и машин на оккупированной территории не допускалось.

Солдаты забрались вместе с водителем в кабину. Видать, замерзли посреди леса. Решение пришло мгновенно, и Омаев, как тень, метнулся на дорогу. Догнав машину, которая, покачиваясь на кочках, только еще набирала скорость, он вцепился руками в задний борт, подтянулся и головой вперед повалился под брезент в кузов грузовика. Теперь главное, беглый осмотр. Он видел, когда вел наблюдение за станцией, что досмотр машин проводился поверхностно. Просто кто-то из солдат на въезде заглядывал в кузов, а потом следовал взмах рукой, и машина въезжала на территорию.

Больно ударившись коленом обо что-то железное, танкист стал шарить руками. Это были связки железных «костылей», которыми рельсы крепились к деревянным шпалам. Чуть дальше вся часть кузова до самой кабины была набита свернутыми кусками брезента и маскировочной сетки. Передвинув ножны с дедовским кинжалом на живот, Руслан с зажатым в руке пистолетом улегся между тюками и прикрыл себя сеткой. Теперь не пропустить момент, когда машина проедет контрольный пункт. Потом нужно будет как можно быстрее выбраться из-под сетки и спрыгнуть.

И вот машина остановилась. Послышались голоса немецких солдат. А спустя минуту брезент на кузове сзади откинулся, луч фонарика скользнул по грузу. Омаев замер и постарался не дышать. Он готов был, как пружина, резко распрямиться и броситься на врагов, если его сейчас заметят в кузове. Рука сжала рукоятку пистолета. Но луч света исчез, полог с шумом опустился, и снова послышались голоса. Потом машина тронулась дальше. Руслан тут же выбрался из-под сетки и выглянул в щель. Машина ехала к складам возле здания комендатуры. На этом

участке станции было относительно темно, только свет фар машины освещал дорогу. Но возле комендатуры светили прожектора. Надо срочно прыгать и искать укрытие.

Руслан спрыгнул с машины и, держась рукой за борт, пробежал по инерции несколько метров, а потом с разбегу упал в кучу песка, едва не выронив пистолет. И тут завывла сирена. Мгновенно перекатившись через кучу песка, танкист лег за ней и затаился. Где-то совсем близко поднялась стрельба. Несколько винтовочных выстрелов, потом сухой треск немецких автоматов. Чуть дальше в стороне вдруг начал бить ручной пулемет. Взрыв гранаты, еще один. Что это? Нападение партизан? Но стрельба далековата от станции.

Стрельба стала затихать, но потом вспыхнула с новой силой. Теперь по территории станции вдруг забежали немцы, кто-то гортанно выкрикивал команды. Один за другим стали гаснуть прожектора. И теперь Омаев слышал, что в ночном воздухе вдруг возник низкий гул авиационных двигателей. «Неужели командование не дождалось результатов разведки и решило нанести авиационный удар по станции? А я лежу совсем близко от путей!» Но тут в его сторону побежали солдаты, и Омаев снова замер. Несколько мотоциклов с люльками пронеслись в темноте мимо, один за другим они останавливались возле колючей проволоки. И на каждом мотоцикле был пулемет. Значит, немцы опасались не столько налета авиации, сколько нападения со стороны леса. Или партизан, или диверсионной группы. Рука нащупала какой-то кусок мешковины. Медленно, чтобы немцы не обратили внимания на резкое движение, стараясь не шуметь, Руслан натянул мешковину на себя, чтобы совсем слиться с этой кучей. Хорошо еще, что он лежал с противоположной стороны кучи песка, ближе к ограждению, и с дороги его видно не было.

Логунову тоже не повезло. Сирена застала его лежащим между колесами товарного вагона. Он просто не успел перебежать дальше. И старшину тоже удивила странная стрельба, которая раздавалась где-то западнее станции. Но он успокоился, когда понял, что бой идет совсем в другой стороне, не там, где он оставил «Зверобой». В этот момент прозвучал короткий гудок маневрового паровоза. Вагоны вздрогнули от толчка. Вдоль состава пробежали солдаты. Кто-то делал знаки сигнальным фонарем. Логунов быстро перекатился через рельс, едва не попав под колесо вагона. Ситуация становилась напряженной. Спрятаться негде, немцы все ближе. Увидев, что дверь вагона чуть приоткрыта, он вскочил на подножку и протиснулся в сырую вонючую темноту. Суда по запаху, тут недавно перевозили капусту. И она местами подгнивала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.